

Виктория Вишневская

**КОНФЕТКА
ДЛЯ СУРОВОГО БОССА.
СУДЬБУ НЕ ОБМАНУТЬ**

УДК 82-3
ББК 84-4
В55

В55 **Вишневская В.**
Конфетка для сурового босса. Судьбу не обмануть / Виктория Вишневская –
М.: Литнет, 2025. – 328 с.

ISBN 978-5-521-94146-9

– Па-па, – слышу снова, и в этот раз кто-то трогает меня за ногу. Отстраняю телефон от уха. А взгляд летит вниз, встречаясь с грустными голубыми глазами. Яркими, чистыми, как летнее небо без облаков. Проваливаюсь в них, на секунду выпадая из реальности. Миниатюрная куколка дёргает меня за штанину. Совсем кроха. Тонкие пальчики сжимают ткань, а большие, кукольные глазки с пушистыми русыми ресницами начинают мигать сильнее. Малышка растерянная и какая-то печальная. – Не па-па, – разочарованно проговаривает, одёргивая ручку. Разворачивается и, понуро опустив голову, смотрит себе под ножки. Петляя по коридору, как призрак, отдаляется от меня. Но даже на расстоянии слышу грустное и протяжное: – Мама-а-а. И этот жалобный голосок вызывает во мне странную бурю эмоций.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94146-9

© Литнет, 2025
© В. Вишневская, 2025

Глава 1

– Па-па.

Тихий детский голос раздаётся совсем слабо, будто отдалённо. А что я ещё ожидаю услышать в здании, полном воспитанников?

– И вы планируете снести детский садик? – деловито, без осуждения, произносит Илья.

– Да, – отвечаю непоколебимо. Если бы не собирался – не стоял бы сейчас здесь, в «Счастье», ожидая, когда закончится проверка. После неё отчёт сдадут в администрацию города, и сад закроют. А я выкуплю полностью эту территорию, снесу здание и построю на его месте новый офис.

– Что по срокам?

Сроки-сроки. Хотел бы я, чтобы всё прошло быстро и гладко.

– Па-па, – слышу снова, и в этот раз кто-то трогает меня за ногу.

Отстраняю телефон от уха. А взгляд летит вниз, встречаясь с грустными голубыми глазами. Яркими, чистыми, как летнее небо без облаков. Проваливаюсь в них, на секунду выпадая из реальности.

Миниатюрная куколка дёргает меня за штанину. Совсем кроха. Тонкие пальчики сжимают ткань, а большие, кукольные глазки с пушистыми русыми ресницами начинают мигать сильнее. Малышка растерянная и какая-то печальная.

– Не па-па, – разочарованно проговаривает, одёргивая ручку. Разворачивается и, понуро опустив голову, смотрит себе под ножки. Петляя по коридору, как призрак, отдаляется от меня.

Но даже на расстоянии слышу грустное и протяжное:

– Мама-а-а.

И этот жалобный голосок вызывает во мне странную бурю эмоций. Волнение вперемишку со сдавливающим чувством, которое не могу понять.

Возвращаю трубку к уху. И чеканю:

– Я перезвоню.

Отключаю телефон, убираю в карман брюк. И медленно, след в след, шагаю за девочкой.

Зачем – не понимаю. Меня, словно зачарованного, тянет к малышке. Забываю, что приехал по делам. Что должен ждать окончания проверки.

Но я хвостом иду за крошкой.

Я вроде нахожусь не в детском доме, а в саду. Где родители на время оставляют своих детей под присмотром профессионалов. Так где же воспитательница этой крохи? Потеряла её из вида во время суматохи?

Из-за приезда администрации в моём сопровождении у заведующей появилась масса дел. Она отчаянно пытается отстоять сад, которого всё равно здесь не будет. Я не жестокий. Здание старое. И его пора под снос. Штукатурка уже падает с потолка на голову, а сквозь прогнивший пол можно провалиться.

По крайней мере, так обстоят дела в коридорах.

Пока комиссия работает, я зачем-то шагаю за девочкой. Одета она опрятно. Белый свитерок, голубенькие джинсы. Волосы собраны в аккуратный хвостик.

Что-то бубнит себе под нос, неожиданно поворачивает, толкает приоткрытую дверь.

Направляюсь следом. Наблюдаю издалека.

Зал, в который мы заходим, просторный. И выглядит гораздо лучше холла. Разделён на две части одним длинным шкафчиком. С одной стороны расположены кровати, где сейчас спят дети. А на другой, более маленькой, стоит круглый стол, к которому и подходит ребёнок.

Садится на стул напротив одиноко стоящей тарелки с кашей.

Странно всё это. Почему она ест одна, когда все спят?

Берёт в руки ложку, баламутит кашку. Зачерпывает немного. Неумело, с небрежностью, как и подобает ребёнку. Каша стекает с ложки, капает на голубые брючки.

Девочка смотрит на них с сожалением, тихо всхлипывает. Опять повторяет то же самое действие. Засовывает в рот каплю каши, потому что остальное вываливается мимо.

Ребёнок маму ищет, чтобы та её покормила нормально?

Машинально делаю шаг вперёд, не в силах больше на это смотреть. Подхожу к ней тихо, боясь разбудить остальных ребят. Отодвигаю почти игрушечный стульчик рядом с ней и сажусь, чувствуя себя гигантом в стране лилипутов.

Неудобно. Всё такое крохотное...

– Давай помогу, – забираю ложку из пальчиков. Смотрю на геркулесовую кашу, где топится кусочек масла. Быстро перемешиваю.

Беру чуть-чуть, дую на ложку и подаю малышке.

Она молча, без испуга, съедает всё.

Чёрт, у меня куча вопросов.

– Где твоя воспитательница?

Она вообще знает такие слова? На вид ей... Мало.

– Тётя такая. Тё-тя.

В детях я не разбираюсь. Могу судить только по дочери брата. У него двухлетка. Эта выглядит чуть младше Варюши. Может... ей тоже полтора-два?

– Ма, – тихонько проговаривает, будто зная, что шуметь нельзя. – Утла.

Мама ушла?

Хмурюсь, пытаюсь разгадать эту шараду. Пока в голове одно месиво, прямо как эта каша.

Я продолжаю потихоньку кормить кроху, попутно интересуясь:

– А как тебя зовут? – не уверен, что ответит.

– Еэва.

То ли Эва, то ли Ева.

И что мне это дало? Ничего.

Молча докармливаю. Нахожу салфетки, вытираю тоненькие губки, голубенькие штаны. И взяв её за ладошку, веду обратно в коридор.

Не одну же оставлять? Вдруг разбудит кого-то. Или сама потереется.

Но, конечно, здесь безалаберное отношение к детям. Ещё один повод закрыть сад к чёртовой матери.

Малышка молча плетётся за мной.

И очень медленно.

Не выдерживаю. Останавливаюсь. Она тоже.

Устремляю взгляд вниз. Она свой – вверх.

– Ева-Эва, пойдёшь на руки?

Задумчиво смотрит на меня, будто размышляя. Но она же ребёнок. Ещё ничего не понимает.

И вдруг коротко кивает, тянет ладошки ко мне.

Млею и поднимаю её.

Необычные ощущения. Я детей ещё ни разу на руках не держал.

Несу по коридору, разыскивая заведующую. Встречаю её возле кабинета. Она по-прежнему вытирает слёзы, держа в руках огромные очки. Видит меня и цепенеет, замечая Еву-Эву у меня на руках.

– У вас дети без присмотра, – грубо бросаю. – А вы ещё спрашиваете, почему детсад хотят закрыть.

– Милана Юрьевна сейчас... занята, – блеет, как овца. – Из-за проверки. А дети спать должны, и я не понимаю, как это вышло.

– Это не объяснение, – цежу сквозь зубы. И поглядываю на застывшую на руках малютку. – Стоило бы сообщить об этом нарушении проверочной команде, но... – возвращаю суровый взгляд на женщину. Она до сих пор уверена в своей компетентности? Я – нет! – Нет смысла. Вы всё равно скоро закроетесь.

Передаю девочку ей в руки.

Хватит мне на сегодня этого детского сада.

– Я приеду через несколько часов, чтобы узнать результаты, – оповещаю её и посматриваю на время. Проверка документации – та ещё морока, отнимает много сил и времени.

Не дожидаясь ответа, направляюсь на выход. Раздражаюсь от того, что сейчас произошло.

Как можно было оставить ребёнка одного? Могла бы и сама посидеть в зале, овца, раз воспитательница где-то пропадает с людьми из администрации.

Бешусь, заворачиваю за угол и не замечаю выбежавшую из-за поворота девушку. Она с размаха бьётся носом в мою грудь, отшатывается и поднимает на меня испуганный взгляд голубых глаз.

И почему-то в этот момент в памяти всплывает крошка с печальными голубыми омутами, отчаянно зовущая маму...

Глава 2

– Теперь будем кушать? – заботливо спрашиваю у доченьки. – Животик не болит?

Ева с утра сама не своя. Приболела. Молчит, с другими ребятами в группе не играет. Замкнулась в себе. И пока все малышарики уже спят в постельках во время тихого часа, я собираюсь накормить свою конфетку.

Елена Леонидовна не одобрит. Как всегда начнёт ворчать, что родной дочери я уделяю больше внимания, чем остальным. Но это не так. Будь на месте Евы кто-то другой – я возилась бы с ним так же.

– Дя, – гладит себя ладошкой по животику. – Кушать.

И что случилось с моей весёлой непоседой?

– Милана Юрьевна!

Я аж вздрагиваю от своего имени. Выпрямляюсь, оглядываюсь и прикладываю палец к губам.

На пороге зала появляется заведующая нашим садиком.

– Тише вы, – невозмутимо ругаю её, показывая на выдвинутые кровати в центре зала. Все ребятки спят крепким сном, а она здесь разоралась! – Что случилось?

– Проверка, – шепчет в испуге. Её трясет, как никогда прежде.

Округляю глаза. Я этого слова боюсь. Наш государственный детский садик не замешан ни в каких мутных делах. Кроме одного. И то... из-за меня. Евка здесь неофициально, поскольку очереди я так и не дождалась. А работать нужно было, частные сады – дорогое удовольствие. И заведующая, знающая меня много лет, пошла на эту авантюру.

– Кто-нибудь в группе отсутствует? – спрашивает меня, и я сразу понимаю, что она имеет в виду.

Если по бумагам окажется, что в группе пятнадцать человек, а по факту шестнадцать... Плохо будет.

Судорожно соображаю.

– Да, девочки одной сегодня нет, – в панике вспоминаю.

Она выдыхает, да и я тоже. Если сделают пересчёт, то ни лишних, ни недостающих не найдут.

Но всё равно напряжённо. Где-то Ева да числится в бумагах Елены Леонидовны. Еду-то она заказывает на всех.

– Хорошо, – хоть и произносит это, всё равно дрожит. – Только есть одна проблема. Я её нигде в документах не указывала, однако в компьютер она занесена. Тебе надо сейчас пойти и удалить её из базы!

Заведующая нервничает, говорит несвязно, и до меня не сразу доходит, о чём она.

– А вы?..

– А мне нельзя в свой кабинет заходить! Представляешь?!

Боже мой, сколько трудностей я принесла...

– А как же?.. – киваю на полный зал ребяташек. Спящих, миленьких, несамостоятельных. А вдруг кто проснётся, а меня нет? – Я их оставлю?

– Ничего не случится, – отмахивается. – Я посижу с ними.

– Хорошо...

Я оборачиваюсь к дочке. Лёгкие сдавливают от волнения и вины, что конфетку свою я так и не покормила.

– Ма? – невинно округляет голубые глазки.

Присаживаюсь рядом с ней, глажу по спинке, успокаивая.

– Посидишь здесь? Как мышка. А как только я приду, мы доедим и пойдём спать. Договорились?

Русая макушка покачивается, а моя куколка одобрительно сжимает ладошки, показывая своё согласие.

– Дя. И гулять.

– А после тихого часа гулять, да.

Дотрагиваюсь до мягких волосков, глажу по головке. И пока не ушла, интересуюсь у заведующей:

– Почему проверка так неожиданно?

– Ох, не знаю, – качает головой и вздыхает. – Чувствую, неспроста. Там какой-то мужик серьёзный. Кажется, намеревается сад наш закрыть... От самого губернатора здесь. Боюсь, тут неважно, найдут они что-то или нет... Он всё сделает, чтобы нас размотать. Ох, Милка, не знаю я, аж рыдать охота.

Вот это да... Плохо дело... Если хотят – найдут, к чему придраться.

С трудом ухожу из зала и надеюсь, что за это время ничего не случится. Как назло, нянечка заболела, и я временно одна. А тут ещё эта администрация, мужик какой-то странный...

Я тихонько крадусь в кабинет Елены Леонидовны. Спалют – мне несдобровать.

Но если нас закроют – беда ждёт всех.

Я как представляю... Еву придётся в частный садик отдавать. А он стоит как вся моя зарплата воспитательницы. И Паша ведь денег не даст. Скорее хочет ипотеку закрыть.

Что же за ерунда такая, а?

Я, как настоящая преступница, залезаю в компьютер заведующей, по поиску выбиваю всё, что связано с Евой. Благо, таких документов несколько, и я без проблем удаляю всю информацию. Нехорошо это, знаю. Но выбора у меня нет.

С волнением выключаю компьютер. Мчусь прочь из кабинета, пытаюсь успокоить громко стучащее сердце, и спешу по коридору, обратно к детям. Меня трясёт от страха так, будто я выпила несколько чашек эспresso, залила сверху энергетиком и приняла ещё какие-нибудь добавки для спортсменов, от которых пульс прыгает за сто пятьдесят.

В нервном и перевозбуждённом состоянии я вылетаю из-за поворота и не успеваю притормозить. Бьюсь носом о сталь или бетонную стену – и тут же отшатываюсь, потирая лицо.

Поднимаю голову, на секунду пугаюсь от сурового взгляда. И неуверенно выпаливаю:

– Простите!